

DOI 10.15826/qr.2016.4.200

УДК 277.4(470.5)+27-76(470.5)247/278+311.3

**РОССИЙСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.:
БАПТИСТЫ И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ
НА УРАЛЕ***

Елена Главацкая

Надежда Попова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**RUSSIAN RELIGIOUS NON-CONFORMISM
IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES:
BAPTISTS AND EVANGELICAL CHRISTIANS
IN THE URALS****

Elena Glavatskaya

Nadezhda Popova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article focuses on Russian religious non-conformists (Baptists and Evangelical Christians) from the late 19th century until 1929. The research is based on the analysis of various historical, archival, and personal sources, as well as oral and printed sources, photographs and legislation, and the First Russian Census of 1897. The authors also collected materials during field research among the Yekaterinburg Baptists in 2014–15 (field materials from N. Yu. Popova's archive) and used documents from the personal archive of Yekaterinburg's Baptist community leader P. D. Yakovlev. As a result,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI в.)».

** *Citation*: Glavatskaya, E., Popova, N. (2016). Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

Цитирование: Glavatskaya E., Popova N. Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries: Baptists and Evangelical Christians in the Urals // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200 / Главацкая Е., Попова Н. Российский религиозный неконформизм в конце XIX – первой четверти XX в.: баптисты и евангельские христиане на Урале // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

they managed to define the dynamics of Baptist and Evangelical Christian growth and distribution in the Urals and to demonstrate their ethnic and gender composition and literacy level. The article shows that the Evangelical movement started to develop in the Central Urals later than in other regions of Russia and embraced ethnic Russians with a relatively high level of literacy. This could be because of the Central Urals' special status as a mining and metal producing region that did not play host to exiles. In addition, it was one of the strongholds of the Old Believers, the representatives of an older form of Russian nonconformity. Yekaterinburg was the centre of religious non-conformists in the Urals and had the largest Baptist congregation in the region by the end of the 1920s. The Ural Evangelical movement developed in the same way as in Europe, attracting socially active and mobile urban youth and women. The authors argue that, although it was in opposition to the Orthodox Church, the Evangelical movement presented no danger to the state, but rather contributed to the development of civil society in late 19th- and early 20th-century Russia.

Keywords: Baptists and Evangelical Christians in Russia; religious conformism; 1897 Russian census; Urals; Protestantism; religions in Soviet Russia.

Рассмотрен феномен российского религиозного неконформизма на примере истории евангельского движения на Урале, прежде всего баптистов и евангельских христиан, с конца XIX в. до 1929 г. На основании широкого круга исторических источников архивного, личного, устного и печатного генезиса, а также фотодокументов и данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи проанализированы динамика численности и расселение баптистов и евангельских христиан Среднего Урала; определен этнический и гендерный состав представителей этих движений, уровень их грамотности. Кроме того, привлечена информация, полученная в ходе полевых исследований среди членов церкви баптистов Екатеринбурга (полевые материалы из личного архива Н. Ю. Поповой) и архив руководителя общины баптистов г. Екатеринбурга П. Д. Яковлева. Установлено, что развитие евангельского движения на Среднем Урале началось позднее, чем в остальных регионах России, что могло быть следствием особого статуса горнозаводского Урала и высокой концентрации старообрядческих общин – оплота раннего российского религиозного неконформизма. Екатеринбург стал центром евангельских движений на Урале уже в конце XIX в., а к концу 1920-х гг. в городе существовали активные общины баптистов и евангельских христиан. Евангельское движение динамично развивалось на Урале в том же направлении, что и аналогичные церкви в Европе, привлекая социально активные и мобильные слои городской молодежи и женщин. Авторы предлагают рассматривать евангельские общины как общественные организации, находившиеся в оппозиции официальной религиозности, что способствовало развитию гражданского общества в стране в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: баптисты и евангельские христиане России; религиозный неконформизм; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; протестантизм; Урал; религии в Советской России.

Модернизация российского общества во второй половине XIX в. проявилась, помимо других форм, в небывалом развитии религиозного нонконформизма. Под нонконформизмом понимается инакомыслие, а также активные действия индивида или группы людей, направленные на реализацию своих представлений в жизнь вопреки официально признанным установкам и ценностям в условиях реальной угрозы благополучию и жизни¹. В Европе к нонконформистам относили представителей евангельских общин – баптистов, методистов, пятидесятников и т. д., вышедших из лоно государственных церквей, как правило, англиканской и лютеранской. В российской науке, публицистике и, к сожалению, в учебной литературе феномен религиозного нонконформизма характеризовался как «сектантство». Этот термин, заимствованный из церковной традиции, активно борющейся с инакомыслием, содержит негативную коннотацию, что мешает принимать его как феномен развития религиозной мысли, соотношенный с общественной динамикой.

Несогласие с установками официальной церкви и стремление их скорректировать имели в стране глубокие исторические корни. Проявлениями религиозного нонконформизма можно считать «ереси» и раскол в Русской православной церкви в XVII в., немногочисленные случаи перехода православных в лютеранство и католицизм на протяжении XVIII–XIX вв., а также распространение мистических учений. Государство отвечало на это ужесточением законодательства, уголовным преследованием за «преступления против религии» и попытками достигнуть компромисса там, где это было возможно. Церковь, в свою очередь, активизировала миссионерскую деятельность.

Изменившийся политический климат второй половины XIX в. привел к широкому распространению в стране новых общественных организаций, в том числе религиозных общин евангельской направленности. Это были протестантские церкви, зародившиеся в Европе XVII в., изгнанные в Америку, где они окончательно сформировались, а потом вернулись уже в новом статусе. Успех распространения евангельских движений в России объясняли несколькими факторами, в том числе духовным поиском, проповедью новых идей миссионерами, кризисным состоянием Русской православной церкви и т. д. [Beer mann; Апанасенок, Бубнов, с. 169–171]. Значительную роль сыграл и рост миграций в результате модернизации, войн и социальных потрясений начала XX в. [Coleman].

История политики в отношении баптистов и евангельских христиан в России имеет сложившуюся историографию [Митрохин;

¹ Термин «нонконформизм» происходит от английского «nonconformist» – несогласный, не прошедший обряда конфирмации, во время которого верующий – католик или протестант, достигший 13–14 лет, должен официально подтвердить свою принадлежность к Церкви.

Beer mann; Bourdeaux; Coleman; Апанасенок, Бубнов; Потапова и др.]. Проблемы распространения евангельского движения в отдельных регионах страны также неоднократно привлекали внимание исследователей [Александров; Моргунов; Рыбаков; Денисов; Черказьнова; Корииков; Главацкая, Попова и др.]. Работ, посвященных истории возникновения и первым десятилетиям развития евангельского движения на территории Среднего Урала², пока нет. Предлагаемая статья направлена на решение нескольких исследовательских задач в рамках данной темы, в том числе реконструкции истории возникновения общин баптистов и евангельских христиан на Урале, определению географии их распространения, численности и состава.

Российские баптисты и «остальные христианские исповедания» в 1897 г.: численность и состав

Несмотря на негативное отношение российских властей, евангельское движение в форме церквей баптистов и евангельских христиан распространялось по стране благодаря деятельности сосланных проповедников, миграциям и духовным исканиям активной части верующих. Российские баптисты относительно быстро прошли путь институализации, факт их существования был официально признан в конце XIX в. Они могли проводить религиозные собрания, правда, только в домах, отведенных с разрешения губернатора, который также утверждал кандидатуры старейшин и проповедников. В целом права российских баптистов были ограничены не более, чем права других неправославных конфессий. Однако запрет на свободу проповедовать для последователей евангельских движений был особенно болезненным и практически неисполнимым, поскольку проповедническая деятельность являлась смыслом и одной из важнейших форм их религиозности. Они не могли не нарушать закон, не поправ основ своего вероучения, и поэтому неизбежно оказывались преследуемыми за «сворачивание в раскол».

Анализ материалов Первой всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г. в России, свидетельствует, что уже в конце XIX в. баптизм стал одной из российских, хоть и не любимых, но признанных властями религий. В переписном бланке содержался раздел «Вероисповедание», и переписчики согласно выданной инструкции должны были вписывать в эту графу, «кто какой веры». Всего в ходе переписи было выделено 16 «вероисповеданий», в том числе пять протестантских: «лютеране», «реформаты», «англикане», «меннониты» и «баптисты» [Первая всеобщая перепись, 1905]. Представители всех остальных вариантов протестантских исповеданий, в том числе с большой вероятностью и евангельские христиане, были зарегистрированы в категории «Остальные христи-

² В рамках Екатеринбургской епархии с Красноуфимским уездом, которые соотносятся с границами современной Свердловской области.

анские исповедания» [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 93–97]. Согласно данным переписи, в стране было 38 139 баптистов, большая часть которых находилась в Европейской России, Привислинских губерниях³ и на Кавказе. Факт выделения баптистов наряду с другими протестантами в самостоятельную категорию свидетельствовал об относительно благополучном статусе этой деноминации и признании ее в качестве «благонадежной». Об этом же свидетельствует и гендерный состав баптистов, аналогичный общероссийскому, с преобладанием женщин (табл. 1). Численное превосходство мужского населения обычно бывает связано с интенсивной ссылкой, однако в случае с баптистами такого не наблюдалось. Возможно, преобладание женщин среди российских баптистов было также показателем их активности. Высокий процент женщин среди религиозных неконформистов отмечен, например, в Норвегии [Thorvaldsen, p. 29–51].

Таблица 1

Численность, гендерный состав и расселение баптистов по регионам России в 1897 г.*

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Европейская Россия	14 951	16 242	31 193
Привислинские губернии	1 911	2 082	3 993
Кавказ	1 190	1 148	2 338
Сибирь	284	259	543
Средняя Азия	36	36	72
<i>Итого</i>	<i>18 372</i>	<i>19 767</i>	<i>38 139</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 106, 112, 118, 124, 130].

Евангельские христиане, скорее всего, были зарегистрированы в категории «Остальные христианские исповедания», в которой насчитывалось 3 952 чел. [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 250]. Большая их часть на момент регистрации оказалась в тех же регионах страны, что и баптисты. По численности евангельские христиане даже в сумме с другими непризнанными христианскими церквями значительно уступали баптистам. Факт численного преобладания мужчин в составе «остальных христианских исповеданий» свидетельствовал о том, что эти общины переживали этап становления и состояли в значительной степени из вынужденных или добровольных мигрантов (табл. 2).

³ Привислинские губернии – польские земли в составе Российской империи.

Таблица 2

**Численность, гендерный состав и распространение
«остальных христианских исповеданий»
по регионам Российской империи в 1897 г.***

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Европейская Россия	1 271	850	2 121
Привислинские губернии	535	451	986
Кавказ	493	236	729
Сибирь	32	26	58
Средняя Азия	40	18	58
<i>Итого</i>	<i>2 371</i>	<i>1 581</i>	<i>3 952</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 107, 113, 119, 125, 131].

Таким образом, в 1897 г. в стране находилось не менее 42 тыс. религиозных неконформистов, разделявших идеи евангельского движения, в том числе 38 139 баптистов, большинство из которых проживало в западных губерниях России. Российские баптисты в основном были этническими немцами; русские⁴ составляли вторую по численности группу в 7 868 чел. – почти столько же, сколько литовцы и латыши вместе взятые. Каждый третий русский баптист был грамотным (35 % от общего числа), что было выше среднего показателя по стране, но ниже показателя грамотности среди баптистов (51 % от общего числа) (табл. 3).

Таблица 3

**Этническая принадлежность, гендерный состав
и грамотность баптистов Российской империи в 1897 г.***

Язык	Муж.	Жен.	Всего	Грамотных	%
Немецкий	9 636	10 277	19 913	9 265	47
Литовский, латышский	3 679	4 361	8 040	6 136	76
Русский	4 007	3 861	7 868	2 725	35
Польский	491	471	962	341	35
Финский	280	489	769	620	81
Остальные славянские	243	260	503	253	50
Прочие	36	48	84	51	61
<i>Итого</i>	<i>18 372</i>	<i>19 767</i>	<i>38 139</i>	<i>19 391</i>	<i>51</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 249].

⁴ То есть те, для кого русский язык был родным, поскольку вопроса об этнической или национальной принадлежности в переписи не было.

Что касается верующих «остальных христианских исповеданий» Российской империи, то из указавших свой родной язык русские также были второй по численности вслед за немцами группой. Уровень грамотности в этой категории верующих был ниже, чем у баптистов (31 % от общего числа) (табл. 4).

Таблица 4

**Этническая принадлежность, гендерный состав
и грамотность верующих «остальных христианских исповеданий»
Российской империи в 1897 г.***

Язык	Муж.	Жен.	Всего	Грамотных	%
Немецкий	435	434	869	486	56
Русский	306	266	572	151	26
Литовский, латышский	126	146	270	192	71
Финский	90	73	163	132	81
Остальные славянские	14	11	24	12	50
Прочие языки	378	170	548	38	7
Не указали языка	845	381	1 226	119	10
<i>Итого</i>	<i>2 194</i>	<i>1 481</i>	<i>3 672</i>	<i>1 130</i>	<i>31</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1905, с. 249].

**Евангельское движение на Среднем Урале в 1897 г.:
численность и состав**

Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., число баптистов в Пермской губернии было на удивление невелико: десять женщин и двое мужчин. Все они указали русский в качестве родного языка [Первая всеобщая перепись, 1904, с. 99]. Шестеро женщин-баптисток, зарегистрированных в Екатеринбурге, были преклонного возраста – старше 70 лет [Там же, с. 293]. Еще четверо баптистов губернии – две одинокие женщины (одна старше 20, другая – за 40 лет) с детьми (мальчик старше десяти лет и девочка возрастом до девяти лет) – вероятно, были членами одной семьи, оказавшейся на момент переписи в Осинском уезде [Там же, с. 298]. Кроме того, переписчики зарегистрировали одинокую баптистку старше 40 лет в Оханском уезде и баптиста возрастом от 30 до 39 лет в Пермском уезде губернии [Там же, с. 292, 298].

Евангельские христиане, как и в других регионах Российской империи, скорее всего, были зарегистрированы в категории «остальные христианские исповедания», представителей которых в Пермской губернии оказалось 1 184 чел. (625 мужчин и 559 женщин). Более

половины из них (726 чел.) находились на территории Среднего Урала, при этом подавляющее большинство (455 чел.) – в Екатеринбургском уезде (табл. 5).

Таблица 5

**Численность, гендерный состав и расселение
верующих «остальных христианских исповеданий»
в уездах Пермской губернии⁵ в 1897 г.***

Уезд	Мужчин	Женщин	Всего
Екатеринбургский	218	237	455
Пермский	189	151	340
Верхотурский	67	53	120
Ирбитский	41	19	60
Соликамский	24	29	53
Камышловский	19	17	36
Красноуфимский	18	10	28
Шадринский	15	12	27
Осинский	11	12	23
Кунгурский	15	6	21
Оханский	6	10	16
Чердынский	2	3	5
<i>Итого</i>	<i>625</i>	<i>559</i>	<i>1 184</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1904]. Фоном выделены уезды Среднего Урала.

Согласно данным переписи 1897 г., на территории Среднего Урала находилось 1 216 верующих «остальных христианских исповеданий», из них 490 чел. – в городах. Исключение составлял религиозно гомогенный город Верхотурье, где было зарегистрировано только семь верующих этой категории. Город являлся одним из центров православия на Урале, поэтому неудивительно, что религиозный неконформизм здесь не привился, чего нельзя сказать о Верхотурском уезде, где регистраторы обнаружили 120 представителей «остальных христианских исповеданий». Самое большое число верующих этой категории (839 чел.) находилось в Екатеринбургском уезде, в том числе 384 чел. – в самом городе. Таким образом, Екатеринбургский уезд лидировал по числу верующих «остальных христианских исповеданий», а город фактически являлся центром протестантизма и религиозного неконформизма в губернии (табл. 6).

⁵ Без учета населения городов.

Таблица 6

**Численность, гендерный состав и распределение верующих
«остальных христианских исповеданий» в городах
Пермской губернии в 1897 г.***

Город	Мужчин	Женщин	Всего
Екатеринбург	179	205	384
Пермь	128	108	236
Ирбит	37	15	52
Шадринск	12	9	21
Камышлов	7	7	14
Кунгур	11	3	14
Красноуфимск	4	6	10
Верхотурье	5	2	7
Оса	3	2	5
Соликамск	2	1	3
Алапаевск	2	0	2
Оханск	1	1	2
Чердынь	0	2	2
<i>Итого</i>	<i>391</i>	<i>361</i>	<i>752</i>

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись, 1904]. Фоном выделены уезды Среднего Урала.

Следует обратить внимание на то, что представители «остальных христианских исповеданий» в Екатеринбурге по численности не уступали городским сообществам лютеран (384 чел.) и католиков (323 чел.). Пройдя долгий путь эволюции от дисперсных групп религиозных маргиналов до конвенциональной религии, эти сообщества имели к концу 1897 г. развитую систему институтов, встроенных в религиозный ландшафт города [Главацкая, 2015а; Главацкая, 2015b]. Что касается уральских баптистов и евангельских христиан, то они в конце XIX в. находились в самом начале этого пути.

Учитывая тот факт, что баптистов в губернии было зарегистрировано только 12 чел., а верующих «остальных христианских исповеданий» 1 936 чел., можно предположить, что в их число попали и баптисты. Многие верующие не акцентировали внимание на том, что они баптисты, и именовали себя просто христианами, автоматически попадая в категорию «остальные христиане». Различия между баптистами и евангельскими христианами – двумя очень близкими по вероучению и судьбам деноминациями – были неочевидными, особенно на этапе их становления в крае, что серьезно осложняло идентификацию, проводившуюся регистраторами.

Баптисты и евангельские христиане Екатеринбурга в начале XX в.

Изменение политики в отношении религии и принятие указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г. послужили мощным импульсом для развития проповеднической, издательской и образовательной деятельности баптистов и евангельских христиан в стране. Российские баптисты быстро включились в систему международных связей, приняв участие в Первом всемирном конгрессе баптистов, состоявшемся в 1905 г. в Лондоне. В 1909 г. в стране был создан Союз евангельских христиан и установлена практика проведения общероссийских съездов. Согласно данным пресвитера баптистской общины Санкт-Петербурга, к 1 января 1910 г. в 149 российских общинах баптистов состояло 10 935 членов, из них 240 были пресвитерами и проповедниками⁶ [Здравомыслов, 1912b, с. 407]. Баптисты активно поддерживали развитие образования в стране от начальной школы до университета, который планировали открыть в Санкт-Петербурге. Они создавали детские, молодежные и женские кружки по интересам, проводили работу с социально незащищенными группами населения: в дешевых столовых, швейных мастерских, среди проституток. Все эти социальные программы финансировались за счет добровольных пожертвований членов общин [Там же, с. 408–409]. Насколько привлекательным оказалось это движение для россиян, свидетельствует тот факт, что к 1912 г. Союз баптистов насчитывал около 115 тыс., а Союз евангельских христиан – около 30 тыс. чел. [Митрохин, с. 250]. Таким образом, общая численность представителей евангельского движения в Российской империи достигла не менее 145 тыс. активных взрослых последователей.

Распространению евангельского движения на Урале способствовал и рост мобильности населения, вызванный Русско-Японской войной и переселенческой политикой правительства. Местные православные миссионеры начали обращать внимание на появление баптистов на территории епархии в 1911 г. Согласно их публикациям, распространение баптизма было связано с возвращением солдат после окончания службы в армии и отходников из мест заработка, где они знакомились с новым учением [Здравомыслов, 1912a, с. 480–485]. Один из таких солдат в запасе Иван Федорович Мужев, житель Камышловского уезда, вернувшись домой, начал проповедовать новое учение, побросал на пол иконы, чем жестоко обидел проживавших с ним женщин. Вместо икон, согласно сведениям миссионера, Иван поставил на божницу фотографию сослуживцев с надписью «Се аз с вами есть до скончания века». После бесед с миссионером Иван разрешил родственницам вернуть иконы на божницу, но в остальном остался при своих убеждениях [Там же, с. 483–485].

⁶ В это число не входили этнические общины немцев, латышей, эстонцев и финнов.

После вступления России в Первую мировую войну и без того настороженное отношение властей и общественности к баптистам и евангельским христианам как к представителям «германской» религии перешло в фазу открытой неприязни, подозрений и обвинений в шпионаже и пособничестве врагу. Это обстоятельство, вероятно, затормозило динамичный рост евангельского движения в стране. Пришедшее к власти после Февральской революции 1917 г. Временное правительство объявило амнистию всем осужденным по политическим и религиозным мотивам, что позволило баптистам и евангельским христианам активно включиться в политическую жизнь страны. В апреле 1917 г. один из лидеров Всероссийского союза баптистов П. В. Павлов в издании «Слово истины» сформулировал первоочередные задачи по демократизации государства и общества. Среди них были названы отделение церкви от государства, свобода собраний, союзов, слова и печати, государственная регистрация актов гражданского состояния, свобода богослужения и проповеди для всех, отмена законов, на основании которых карали за «преступления против религии» [Павлов, с. 3].

Масштаб роста евангельского движения по-разному оценивался в источниках начала XX в. Так, в журнале «Баптист» были приведены данные о том, что численность баптистов и евангельских христиан уже в 1917 г. достигла 200 тыс., а к 1927 г. возросла до 1 млн. По данным секретного отдела ОГПУ СССР, число российских баптистов могло достигать 3 млн чел. уже к началу 1920-х гг. [Александров, с. 45]. Группы баптистов и евангельских христиан, постоянно пополнявшиеся новыми членами, активно вели религиозно-просветительскую и проповедническую работу, создавали молодежные христианские организации, такие как Бапсомол (Баптистский союз молодежи) и Христомол (Христианская молодежь), особенно многочисленные в Сибири [Рыбаков, с. 89–93], выпускали литературу, организовывали библейские курсы, проводили съезды. В целом евангельское движение в России развивалось в том же русле, что и большинство христианских церквей Европы, организуя светские религиозно-направленные объединения, в том числе детские, юношеские и женские организации, литературные и хоровые кружки. Этот процесс происходил на фоне репрессий в отношении Русской православной церкви (за исключением обновленческих приходов) и других институализированных церквей страны, в том числе католической и лютеранской.

По оценке екатеринбургских баптистов, в 1925 г. в их общине насчитывалось около 20 членов [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3. Л. 1; Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 1]. Здесь надо иметь в виду, что членами своих общин баптисты считали только взрослых, принимавших активное участие в жизни общины. На основании фотодокумента «Выпускники библейских курсов» можно предположить, что несколько человек прошли специальное обучение, после чего стали проповедовать самостоятельно [ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4]. Это предположение

Евангельские христиане Свердловска. 1927 г. Иван Епифанов стоит во втором ряду, четвертый справа. Фото из архива церкви Российского союза Евангельских христиан-баптистов «Источник жизни», г. Екатеринбург

Sverdlovsk Evangelical Christians. 1927. Ivan Epifanov is in the second row, the fourth from the right. Photo document is kept in the Ekaterinburg Evangelical-Baptist Church "Source of Life"

подтверждается сведениями, приведенными авторами антирелигиозной брошюры, что десять «разъездных агитаторов» прошли «тренировку на библейских курсах в Ленинграде» [Щепкин, Волжанин, с. 8]⁷. Численность городской общины продолжала увеличиваться и к 1928 г. достигла 80 чел. [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3. Л. 1].

Община евангельских христиан возникла в Екатеринбурге в 1921 г. Ее основателем и руководителем до 1925 г. был Степан Ефимович Вологодский. В дальнейшем общиной руководили Иван Васильевич Павлов и Иван Федорович Епифанов, приехавший в Екатеринбург из Ярославской губернии [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 1]. И. Ф. Епифанов позднее возглавил Уральский отдел Всероссийского союза евангельских христиан (далее – ВСЕХ) [Белоусов, с. 56; ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3]. Согласно сведениям, приведенным в антирелигиозной брошюре, изданной в 1928 г., И. Ф. Епифанов до переезда в Екатеринбург был «крупным служащим Сибирской железной дороги и завхозом акционерного общества в Петербурге» [Щепкин, Волжанин, с. 8].

Евангельские христиане Екатеринбурга проводили богослужения в Доме молитвы на Арсеньевском проспекте (современная улица Свердлова), а после его закрытия в 1927 г. продолжили собираться на квартирах. Несмотря на сложности в отношениях с властями, ве-

⁷ Волжанин – псевдоним Геннадия Михайловича Розова – уполномоченного секретного отделения полномочного представителя ОГПУ по Уралу.

рующие в том же году провели Первый уральский областной съезд евангельских христиан, на котором присутствовало 33 делегата от общин и гости [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л. 2; Ф. 3. Оп. 3. Д. 10]. Собрания проходили в зале Музыкального педтехникума в течение шести вечеров. По сведениям самих верующих, на богослужения каждый день приходило до 450 чел., несмотря на то, что информация о них широко не распространялась. К концу съезда к городской общине присоединились еще 14 чел. Вопросы, обсужденные на съезде, касались миссионерства, духовного воспитания, истории евангельского движения в России [Белоусов, с. 56; ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3]. В 1928 г. прошел Второй уральский областной съезд евангельских христиан, на котором, согласно фотодокументу «Делегаты съезда», присутствовало уже более 100 чел. [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 3. Д. 11]. Учитывая то, что делегаты обычно являлись служителями церквей, можно предположить, что в крае существовало несколько общин. Одна из них, пресвитером которой был бывший жандарм полиции, находилась в Надеждинске (современный г. Серов) [Щепкин, Волжанин, с. 9]. В связи с ужесточением религиозной политики государства число членов екатеринбургской общины евангельских христиан сократилось до 40–45 чел., которые в 1934 г. перешли к практике проведения тайных собраний [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 8. Оп. 2. Д. 4. Л. 2].

Таким образом, феномен российского религиозного неконформизма конца XIX – начала XX в. проявился в распространении церквей баптистов и евангельских христиан не только в западных районах страны, но и на Среднем Урале. Тот факт, что эти формы христианства охватили население с процентом грамотности выше среднего по стране, позволяет предположить, что причиной распространения религиозного инакомыслия в крае был духовный поиск. Евангельское движение можно рассматривать как вариант российского неконформизма, развивавшегося среди не удовлетворенных официальной формой религиозности людей. При этом неконформизм баптистов и евангельских христиан был умеренной формой оппозиции к господствовавшей церкви, проявившейся в создании альтернативных ей добровольных религиозных организаций. Баптисты и евангельские христиане с их активной гражданской позицией, вовлеченностью в политическую и общественную жизнь были одними из тех общественных организаций, само существование которых способствовало формированию гражданского общества в стране. Идея связи между появлением общественных организаций и формированием гражданского общества в России была высказана Джозефом Брэдли [Брэдли]. Тезис о необходимости отнесения религиозных организаций, объединявших граждан, не лояльных к официальной православной церкви, к числу добровольных общественных организаций был выдвинут Б. Н. Мироновым, который также связал это явление с формированием гражданского общества в России [Миронов, с. 110–126].

Территории горнозаводского Урала не принимали ссыльных по религиозным мотивам, поэтому неконформизм в форме евангельского движения проявился здесь позднее. Вследствие этого евангельских общин с четко выраженной конфессиональной идентичностью не оформилось до начала XX в., что отразилось в материалах Первой всеобщей переписи населения по Пермской губернии. Другой причиной позднего развития евангельского движения было, возможно, то, что Средний Урал был территорией распространения старообрядчества – наиболее многочисленного и самого традиционного из движений российских религиозных неконформистов.

Центром евангельского движения являлся Екатеринбург, где было зарегистрировано наибольшее по губернии число верующих «остальных христианских исповеданий». Так же, как и в некоторых европейских странах, евангельское движение характеризовалось заметной активностью женщин.

Екатеринбургские баптисты и евангельские христиане смогли сформировать свои основные религиозные институты лишь после революции 1917 г. В течение десяти лет они динамично развивались: имели дома молитвы для богослужений, организовывали общественные проповеди и обучение проповедников на специальных курсах, проводили областные съезды, на которые собиралось до сотни делегатов и аудитория из нескольких сот слушателей. Вместе с тем, на Среднем Урале не сформировалось отделений Баптистского союза молодежи — Бапсомола. Верующие, вероятно, просто не успели создать молодежные организации до того, как государство начало преследование инакомыслия.

Либеральный по своему характеру неконформизм евангельского движения должен был конкурировать как с другими религиозными течениями, так и с радикальными нерелигиозными идеологиями, что автоматически ограничивало возможности его численного роста. Не неся угрозы государству, религиозный неконформизм в форме евангельского движения способствовал развитию российских гражданских институтов и социально ориентированных практик, которых в стране катастрофически не хватало. К сожалению, власти не поняли этого и в 1929 г. разрушили церкви баптистов и евангельских христиан наряду с другими религиозными организациями, положив конец официальному существованию либерального, в том числе и религиозного неконформизма на долгие годы.

Список литературы

Александров А. П. Долиною смертной тени : Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. Бирск : Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2014. 216 с.

Апанасенок А. В., Бубнов А. Ю. К вопросу о причинах развития религиозного неконформизма в России во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. 2012. № 4–1 (43). С. 169–171.

Белоусов Ф. Уральский областной съезд евангельских христиан // Христианин. 1928. № 7. С. 56.

Брэдли Дж. Общественные организации и формирование гражданского общества в дореволюционной России. 1994. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/944/896/1217/008_Dzhozef_BREDLI.pdf (дата обращения: 23.02.2016).

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24495, 21553, 16774, 39333.

Главацкая Е. М. «... В весьма изыщном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 2015а. № 2 (33). С. 218–238.

Главацкая Е. М. Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. ун-та. 2015b. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 2. С. 112–119.

Главацкая Е. М., Попова Н. Ю. Под звуки Духовного интернационала // Изв. Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 245–248.

Денисов Д. Н. Начальный этап распространения баптизма в Оренбургском крае (1884–1917 гг.) // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе). Оренбург : Университет, 2013. С. 176–197.

Здравомыслов А. Баптисты в Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. Неоф. № 21. С. 480–485.

Здравомыслов А. Современное состояние русского баптизма // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. Неоф. № 18. С. 405–411.

ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1, 4; Оп.3. Д. 10, 11; Ф. 8. Оп. 2. Д. 3, 4.

ЛА П. Д. Яковлева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1; Ф. 3. Оп. 2. Д. 4.

Миронов Б. Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.

Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб. : РХГИ, 1997. 480 с.

Моргунов К. А. Религиозные организации евангельских христиан и баптистов Оренбургской области в советский период // Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе). Оренбург : Университет, 2013. С. 198–241.

Павлов П. В. Политические требования баптистов // Слово Истины. 1917. № 1. С. 3.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 31. Пермская губерния / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета, 1904. 322 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. II / под. ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета, 1905.

Попова Н. Ю. История баптистских церквей Среднего Урала: источники и методы исследования // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 204–210.

Потапова Н. В. Российские баптисты и евангельские христиане: к вопросу о происхождении и единстве деноминаций // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 133–136.

Рыбаков Р. В. Теоретические основы изучения молодежного неконформизма 1920-х гг. (на примере Сибирского региона) // Youth world politic. 2013. № 3. С. 89–93.

Черказьянова И. В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири : Музей Омского Прииртышья. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/relig_ob.htm (дата обращения: 20.08.2015).

Щепкин И. В., Волжанин (Розов Г. М.). Сектанты на Урале. Свердловск : Уралполиграф, 1928. 44 с.

Beermann R. The Baptists and soviet society // Soviet Studies. 1968. Vol. 20, № 1. P. 67–80.

Bourdeaux M. Religious Ferment in Russia : Protestant Opposition to Soviet Religious Policy. L. : Macmillan ; N. Y. : St. Martin 's Press, 1968.

Coleman H. J. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. 304 p.

Thorvaldsen G. Ut av statskirken – En oversikt 1865 til 1980 // Historisk Tidsskrift. № 94 (1). P. 29–51.

References

Alexandrov, A. P. (2014). *Dolinoyu smertnoy teni : Evangel'skie khristiane i baptisty Bashkirii v 1918–1943 gg.* [Evangelical Christians and Baptists of Bashkiria between 1918 and 1943]. 216 p. Birk, Birk. fil. Bash. gos. un-ta.

Apanasenok A. V. & Bubnov A. Ju. (2012). *K voprosu o prichinakh razvitiya religioznogo nonkonformizma v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Causes of Religious Non-conformism in the Late 19th – Early 20th Centuries Russia]. In *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–1(43), pp. 169–171.

Beermann, R. (1968). The Baptists and Soviet Society. In *Soviet Studies*, Vol. 20, № 1 (Jul.), pp. 67–80.

Belousov, F. (1928). Ural'sky oblastnoy s'ezd evangel'skikh khristian [Ural Regional Congress of Evangelical Christians]. In *Khristianin*, 7, p. 56.

Bourdeaux, M. (1968). *Religious Ferment in Russia : Protestant Opposition to Soviet Religious Policy*. L., Macmillan, and N. Y., St. Martin's Press.

Bradley, J. (1994). *Obshchestvennye organizatsii i formirovanie grazhdanskogo obshchestva v dorevoliutsionnoi Rossii* [Voluntary Associations and the Formation of Civil Society in Russia]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/944/896/1217/008_Dzhozef_BREDLI.pdf (mode of access: 23.02.2016).

Cherkaz'yanova, I. V. (n. d.). *Religioznye obshchiny mennonitov i baptistov v Zapadnoy Sibiri : Muzey Omskogo Priirtysh'ya* [Religious Communities of Mennonites and Baptists in Western Siberia]. URL: http://museum.omскеlecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/relig_ob.htm (mode of access: 20.08.2015).

Coleman, H. J. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington, Indiana Univ. Press.

GAAOSO. Stock P–1. L. 2. Dos. 24495, 21553, 16774, 39333.

Denisov, D. N. (2013). *Nachal'nyy etap rasprostraneniya baptizma v Orenburgskom krae (1884–1917 gg.)* [The Beginning of the Spread of Baptist Belief in Orenburg Region]. In *Protestantizm v Orenburgskom krae: istoriya i sovremennost' (k 245-letiyu obrazovaniya pervoy protestantskoy obshchiny v regione)* (pp. 176–197). Orenburg, Universitet.

Glavatskaya, E. M. (2015a). “...V ves'ma izyashchnom, goticheskom stile”: istoriya katolicheskoy traditsii na Srednem Urале do serediny 1930-kh gg. [“...In a Very Elegant Gothic Style”: A History of the Catholic Tradition in the Central Urals from the Late 1600s until the Late 1930s]. In *Gosudarstvo, Tserkov', religiya v Rossii i za rubezhom*, 2 (33), pp. 218–238.

Glavatskaya, E. M. (2015b). *Lyuterane Srednego Urala v XVIII – vtoroy polovine XIX v.: instituty, rasselenie, chislennost'* [Lutheran Communities in the 18th – 19th Centuries Urals: Institutions, Distribution, Statistics]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 2 (139), 112–119.

Glavatskaya E. M., Popova N. Iu. (2014). *Pod zvuki Dukhovnogo internatsionala* [Reverberations of the Spiritual International]. In *Izvestiya Ural'skogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 4, pp. 245–248.

LA N. Yu. Popovoy. Stock 3. L. 2. Dos. 1, 4; List 3. Dos. 10, 11; Stock 8. L.2. Dos. 3, 4.

LA P. D. Yakovleva. Stock 2. L. 1. Dos. 1; Stock 3. L.2. Dos. 4.

Mironov, B.N. (2009). *Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachala XX veka* [The Development of Civil Society in the 19th – Early 20th Centuries Russia]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1, pp. 110–126.

Mitrokhin, L. N. (1997). *Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sotsiologicheskie ocherki)* [Baptists: Past and Present (Philosophical and Sociological Essays)]. 480 p. Saint Petersburg, RKhGI.

Morgunov, K. A. (2013). *Religioznye organizatsii evangel'skikh khristian i baptistov Orenburgskoy oblasti v sovetsky period* [Religious Organisation of Evangelical Christians and Baptists of Orenburg Region in the Soviet Period]. In *Protestantizm v Orenburgskom krae: istoriya i sovremennost' (k 245-letiyu obrazovaniya pervoy protestantskoy obshchiny v regione)* (pp. 198–241). Orenburg, Universitet.

Pavlov, P. V. (1917). *Politicheskie trebovaniia baptistov* [Political Requirements of Baptists]. In *Slovo Istiny*, 1, p. 3.

Popova, N. Iu. (2014). *Istoriia baptistskikh tserkvei Srednego Urala: istochniki i metody issledovaniia* [The History of the Middle Urals Baptist Churches: Sources and Methods]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'* (pp. 204–210). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Potapova, N. V. (2014) *Rossyskie baptisty i evangel'skie khristiane: k voprosu o proiskhozhdenii i edinstve denominatsy* [Russian Baptists and Evangelical Christians: Their Origins and Unity]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 18, pp. 133–136.

Rybakov, R. V. (2013). *Teoreticheskie osnovy izucheniya molodezhnogo nonkonformizma 1920-kh gg. (na primere Sibirskogo regiona)* [Theoretical Basis for the Study of Youth's Non-conformism of the 1920s. (Siberian Region)]. In *Youth world politic*, 3, pp. 89–93.

Shchepkin, I. & Volzhanin, I. (1928). *Sektanty na Urale* [Sectarians in the Urals]. 44 p. Sverdlovsk, Uralpoligraf.

Thorvaldsen, G. (2015). Ut av statskirken – en oversikt 1865 til 1980 [Leaving the State Church – an Overview 1865 to 1980]. In *Historisk tidsskrift*, 94, pp. 29–50.

Troinitsky, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897]. (Vol. 31. Permskaya guberniya). 322 p. Saint Petersburg, Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta.

Troinitsky, N. A. (Ed.). (1905). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. : Obshchy svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda. II* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897. The Census Data as Collected on January 28 for the Whole Empire]. Saint Petersburg, Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta.

Zdravomyslov, A. (1912a). *Baptisty v Ekaterinburgskoy eparkhii* [Baptists in the Yekaterinburg Diocese]. In *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 21, pp. 480–485.

Zdravomyslov, A. (1912b) *Sovremennoe sostoyanie russkogo baptizma* [The Current State of Russian Baptists] In *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 18, pp. 405–411.

The article was submitted on 30.03.2016